

Меньшиков Михаил Осипович

Критические очерки

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Осипович М.**
Критические очерки: Том 2 / Меньшиков Михаил Осипович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 524 с.

ISBN 978-5-519-96249-0

ISBN 978-5-519-96249-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КРАСИВЫЙ ЦИНИЗМЪ.

М. Горькій. Разказы, т. I, II, III, IV. Спб. 1900.

Времена перемѣнчивы... а
люди скоты. Впрочемъ, все дер-
жится въ своихъ законахъ, и
человѣкъ на землѣ не бо-
лѣе, какъ ничтожная гнида...
(М. Горькій. *Тоска*).

I.

Изъ глубинъ народныхъ пришелъ даровитый писатель и сразу покорилъ себѣ всю читающую Россію. Вы догадываетесь, что рѣчь идетъ о г. Горькомъ: именно его книги расходятся съ неслыханною у насъ быстротою, его имя передается изъ устъ въ уста въ милліонахъ уголковъ, гдѣ только еще теплится интеллигентная жизнь. Куда-бы вдаль вы ни поѣхали, отъ Петербурга до Тифлиса и отъ Варшавы до Владивостока, вы непременно встрѣтите восторженныхъ поклонниковъ этого новаго таланта,—рѣже—хулителей его. О г. Горькомъ говорятъ, о немъ ведутъ горячіе споры... *.

Что-же такое этотъ г. Горькій? Внезапный шумъ, съ которымъ пронеслось его имя по Россіи, загадоченъ; онъ скорѣе тревоженъ для писателя. Истинный талантъ обыкновенно открывается не столь стремительно. Слишкомъ неожиданная слава выпадаетъ на долю не самыхъ тонкихъ художниковъ. Къ ихъ необычному творчеству толпѣ приходится привыкать, какъ людямъ грубаго вкуса—къ дорогому вину. Внезапный шумъ около какого-нибудь имени побуж-

* Настоящій очеркъ напечатанъ въ первый разъ въ 1900 г.

даетъ думать, что причина его не талантъ только, а иногда вовсе не талантъ. Нужно кромѣ таланта что-нибудь особенное, поражающее вниманіе публики: та яркая точка которая гипнотизируетъ. Въ исторіи писателей мы постоянно видимъ, какъ иной разъ совсѣмъ постороннее литературѣ обстоятельство—иногда ничтожное само по себѣ—чрезвычайно укрѣпляло славу автора. Нѣкоторые писатели, напримѣръ, были не слишкомъ даровиты, но носили громкій титулъ; ихъ печатали и они тотчасъ становились весьма извѣстными. Наоборотъ, цѣлый рядъ писателей только тѣмъ и приобрѣли нѣкоторую извѣстность, что вышли изъ крестьянъ. Молодой писатель былъ солдатомъ и четыре дня пролежалъ въ полѣ раненымъ; описать это недурно, съ искренностью и простотой—и тотчасъ имя его загремѣло по всей Россіи. Задумчивый поэтъ захворалъ неизлѣчимой болѣзнію и умеръ на расцвѣтѣ своего таланта. Большой успѣхъ выросъ въ необычайный. Нѣкоторые писатели страшно выиграли тѣмъ, что побывали въ ссылкѣ въ Сибири... Почти всѣ они, безспорно, были даровиты, у всѣхъ чувствовалось благородное, отзывчивое сердце, но въ шумѣ славы ихъ слишкомъ замѣтно участіе какой-нибудь романической черты, у каждого своей. Иногда, при нѣкоторомъ талантѣ, писателю достаточно красивой наружности, чтобы составить себѣ «имя»,—достаточно даже эффектной шевелюры... Правда, одна, хотя-бы роскошная шевелюра, еще не даетъ славы, но, какъ ноль при единицѣ, подобная мелочь иногда замѣтно поддерживаетъ извѣстность. Талантъ, конечно, всегда составляетъ сердце хорошей славы, но вообще для славы нужны и менѣе благородные органы...

II.

Нѣтъ сомнѣнія, что быстрой извѣстностью своей г. Горькій обязанъ прежде всего своему дарованію, но не только ему, и это жаль. Слишкомъ скоро обнаружилось,

что г. Горькій вышелъ «изъ босяковъ», что онъ и по рожденію, и по образованію—«самородокъ», долгіе годы валявшійся въ грязи, человѣкъ, самолично пережившій всѣ ужасы нищеты, безработицы, бродяжничества, грубаго труда и грубой праздности простонародья. Самъ г. Горькій объ этомъ говоритъ во многихъ своихъ разсказахъ, и даже въ особой автобіографіи, напечатанной въ одномъ журналѣ. Чѣмъ-чѣмъ ему не приходилось быть въ жизни! Внукъ красильщика, сынъ обойщика, г. Горькій еще девятилѣтнимъ мальчикомъ былъ отданъ въ ученіе къ сапожнику. Бѣжалъ отъ него и поступилъ къ чертежнику. Бѣжалъ отъ него и поступилъ къ богомазу. Затѣмъ очутился поваренкомъ на пароходѣ. Потомъ работалъ у садовника. Потомъ былъ пекаремъ, пекъ крендели за жалованье въ 3 р. въ мѣсяцъ. Торговалъ яблоками. Пилилъ дрова. Таскалъ грузы... Послѣ неудачнаго покушенія на самоубійство — былъ желѣзнодорожнымъ сторожемъ. Продавалъ квасъ баварскій. Былъ писцомъ. Работалъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и пр. и пр. Какой разнообразный и пестрый «курсъ самообразования»! Сколько впечатлѣній острыхъ, подчасъ трагическихъ! Подобно Гаршину, который дѣйствительно былъ солдатомъ и дѣйствительно лежалъ раненымъ среди разлагающихся труповъ, на полѣ битвы,—г. Горькій былъ на самомъ дѣлѣ бродягой, на самомъ дѣлѣ израненъ тысячами язвъ великаго поля жизни... Этотъ необыкновенный жизненный опытъ страшно всѣхъ заинтересовалъ. Такіе люди, какъ путешественники, ѣдущіе изъ неизвѣстныхъ странъ, встрѣчаются въ обществѣ съ жаднымъ вниманіемъ; они уже знамениты до появленія своего на каѳедрѣ. Въдѣ міръ отверженныхъ всегда чужой намъ міръ. Мы, счастливые, тщательно сторонимся отъ него и можемъ прожить десятки лѣтъ въ среднихъ этажахъ своего дома, десятки разъ съѣздить въ Италію, Египетъ, Шотландію, Норвегію—ни разу не спустившись въ подвалъ, не заглянувъ въ сосѣдній ночлежный домъ и тому подобныя «трущобы»

Темный, огромный, страшный міръ, изъ котораго на нашихъ бульварахъ лишь изрѣдка показываются выходцы, одѣтые въ рубище, съ багровыми синяками или блѣдными, землистыми лицами. Они протягиваютъ руки и мы спѣшимъ какою-нибудь мелкою монетою поскорѣе оттолкнуть отъ себя гноящагося Лазаря...

Представьте-же себѣ изумленіе всѣхъ такъ называемыхъ «порядочныхъ людей», «людей изъ общества», когда смердящій Лазарь вдругъ начинаетъ говорить съ ними мужественно, языкомъ не только образованнаго человѣка, но языкомъ поэта! Уличный бродяга—и вмѣсто униженной мольбы—гордые и гнѣвные укоры, трагическая исповѣдь за себя и за безчисленный классъ несчастныхъ. Это явленіе болѣе чѣмъ литературное, оно поразило публику не литературною своею стороною. Нижегородскій мѣщанинъ Пѣшковъ, цеховой малярнаго цеха, заговорилъ въ журналахъ, «какъ власть имѣющій», заговорилъ съ художественною увлекательностью, раскрывая съ страшной откровенностью скандальную сторону нашей общественности. Вѣдь съ обычной, буржуазной точки зрѣнія сословіе босяковъ это сплошной скандалъ, это какъ-бы присяжные нарушители общественной тишины и порядка. И вотъ, является писатель, который вводитъ съ собою въ приличныя гостиныя цѣлое полчище этихъ скандалистовъ, заставляетъ ихъ показать публикѣ свое рубище и синяки, показать пьяныя оргіи, драки, воровство, убійство, распутство, свое душевное ожесточеніе, алкоголическій бредъ. Является писатель и рассказываетъ, какъ онъ однажды осенью, безъ квартиры и куска хлѣба, «выбивалъ зубами трели въ честь голода и холода», какъ въ тщетныхъ поискахъ сѣбстнаго, въ окрестностяхъ города, нашелъ голодную проститутку, подкапывавшуюся подъ одну лавченку, чтобы украсть хлѣба,—рассказываетъ, какъ онъ помогалъ ей воровать, какъ сломалъ замокъ, какъ они, поѣвши хлѣба, спрятались подъ дырявой опрокинутой лодкой, подъ дождемъ и осеннимъ

вѣтромъ, и какъ эта избитая любовникомъ проститутка отогрѣвала нашего мерзнущаго автора своими объятіями, своимъ теплымъ сердцемъ... Разсказываетъ, какъ втроемъ съ какими-то бродягами онъ умиралъ отъ голода въ крымской степи, какъ они ночью напали на встрѣчнаго больного рабочаго и отняли у него хлѣбъ, какъ одинъ изъ его товарищей задушилъ рабочаго, ограбилъ и убѣжалъ... Разсказываетъ, какъ онъ пѣшкомъ брелъ отъ Одессы до Тифлиса, вдвоемъ съ грузинскимъ княземъ, питаясь подаяніемъ, среди тысячи самыхъ рискованныхъ приключеній, среди пустынь и грозъ. Разсказываетъ, какъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, какъ ночевалъ осенней ночью подъ амбарами, среди воровъ, сутенеровъ, неисправимыхъ пьяницъ, широкихъ натуръ разбойничьяго склада. Разсказываетъ, какъ тайный палачъ при публичныхъ домахъ истязаетъ дѣвицъ, сѣчетъ ихъ голыми на снѣгу, какъ онѣ извиваются у его ногъ... Заставляетъ своихъ героевъ разсказывать цѣлыя поэмы преступной и грязной жизни, которая вся—протестъ, вся—ненависть противъ общества, вся—предсмертный стонъ... Этотъ внезапно явившійся художникъ «малярнаго цеха» развертываетъ передъ воспитанными людьми въ лицѣ своихъ героевъ циническую философію,—и мало того—циническую поэзію, нѣкое горькое очарованье, противиться которому не легко...

III.

Можете себѣ представить, какой—послѣ нѣкотораго оцѣпенѣнія—неописуемый скандалъ почувствовался въ нашемъ благополучномъ обществѣ, въ нашей выметенной и прибранной литературѣ! Уже одного этого скандала было бы достаточно для самой оглушительной славы. Но были и другія важныя причины, способствовавшія извѣстности г. Горькаго. Хотя «мужикъ сиволапый»—нерѣдкій гость въ журналахъ, но послѣднія 15—20 лѣтъ

его уже не пускали дальше людской; Акулины и Софроны давно смѣнились княжнами Кэтъ и баронами Коко, чистенькими, блестящими, какъ новенькія куклы. Мы почти уже отвыкли отъ грязныхъ двуногихъ, мы уже почти повѣрили, что родъ человѣческій выдѣляется изъ фарфора и папье-маше, и вдругъ является г. Горькій съ своимъ ужаснымъ человѣческимъ товаромъ, и вдобавокъ—*живымъ*...

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ г. Горькій былъ-бы, мнѣ кажется, невозможенъ. Тогда его, можетъ быть, держали-бы на литературныхъ заставахъ, въ редакціяхъ; тогда, можетъ быть, онъ и самъ описывалъ-бы міръ не босяковъ, а графовъ и бароновъ. Мода, какъ извѣстно, тиранъ. Но теперь, въ послѣднія лѣтъ пять-шесть, г. Горькій пришелъ какъ разъ во-время, и это тоже одна изъ тайнъ его шумной славы. Онъ пришелъ вмѣстѣ съ новою умственною волною въ русскомъ обществѣ, въ разгаръ ожесточенныхъ битвъ народниковъ и марксистовъ, въ разгаръ обостреннаго вниманія именно къ пролетаріату. Обоимъ лагерямъ, и народникамъ и марксистамъ, самъ Богъ послалъ г. Горькаго: оба лагеря берутъ его на расхватъ. За него-же въ послѣднее время ухватился и третій лагерь, представляемый «Гражданиномъ» и «Московскими Вѣдомостями». Всѣмъ памятно, до какихъ забавныхъ преувеличеній въ похвалахъ г. Горькому дошла марксистская критика. Долго не разсуждая, нашъ авторъ былъ вознесенъ ею превыше первостепенныхъ талантовъ, провозглашенъ вождемъ эпохи. Можетъ быть, тутъ былъ кое-какой журнальный расчетъ, а можетъ быть и обычная наша искренность, похожая на истерію. Но марксистамъ не грѣхъ было сказать лишнее о своемъ сотрудникѣ, если вотъ что писали о г. Горькомъ въ «Гражданинѣ»:

«М. Горькій является единственнымъ и неузнаннымъ пока на Руси, въ образѣ художника, *апостоломъ чело-вѣко-любія*, и это его возвышенное призваніе, конечно, вмѣнится ему рано или поздно въ заслугу, какъ великаго

двигателя русскаго духовнаго прозрѣнія и оздоровленія... Для такого подвижника писательства, какъ М. Горькій, недостаетъ подобающаго скульптора-критика, который, увѣнчавъ его чело лаврами, поставилъ бы его всенародно на подобающемъ пьедесталѣ, создавъ заживо достойный памятникъ ему, сильному и свѣтлому русскому работнику изящной словесности». Вотъ какъ въ *княжескомъ* органѣ отзывается нѣкій *графъ* о «цеховомъ малярнаго цеха».

IV.

Можетъ быть, въ похвалахъ г. Горькому со стороны феодальной печати есть доля коварства, но несомнѣнно то, что и эта печать можетъ извлечь изъ нашего автора большія выгоды. Для всѣхъ лагерей, какъ правдивый художникъ, г. Горькій служить иллюстраторомъ ихъ теорій; онъ всѣмъ нуженъ, всѣ зовутъ его въ свидѣтели, какъ человѣка, видѣвшаго предметъ спора—народъ, и всѣ ступени его упадка. Народники, которые, кажется, первые открыли въ Нижнемъ этого писателя-босяка, говорятъ:—Поглядите, какъ капиталистическій режимъ уродуетъ жизнь народную! Поглядите, во что превращается свѣжій сынъ земли, оторванный отъ родной почвы! Вчера еще пахарь и хозяинъ на землѣ, орошенной потомъ его предковъ, — сегодня бродяга, не имѣющій ни кола, ни двора, потерявшій даже потребность имѣть ихъ. Вчера еще человѣкъ крѣпко сплоченнаго общества, вся жизнь котораго управлялась нравственнымъ началомъ взаимопомощи,—сегодня онъ уже внѣ общества и закона, хищникъ, непринадлежащій ни къ какой организаціи и во все вносящій только разрушеніе. Вчера мужикъ обладалъ, при всей бѣдности, душевнымъ равновѣсіемъ, какое даетъ всякая культура, сегодня онъ — при всемъ случайномъ богатствѣ—одержимъ страшной злобой. Вчера—и душевно, и тѣлесно человѣкъ здоровый, сегодня въ образѣ бродяги онъ и душевно, и тѣлесно больной; онъ одержимъ по-

роками и психозами, онъ истощенъ и расшатанъ во всемъ организмѣ. Вотъ къ чему ведетъ оторванность человѣка отъ земли, отъ родного деревенскаго союза, отъ условій, слагавшихся втеченіе тысячелѣтій. Капитализмъ разбиваетъ самые дорогіе устои гражданственности и роняетъ культурнаго человѣка на ступень ниже кочевого періода, на степень бродячихъ хищниковъ. Эти хищники — явное разложеніе народное; они множатся, пока еще осталась деревенская масса, но исчезнетъ здоровый народный слой, и хищники пожрутъ другъ друга. Пора взглянуть въ глаза этому ужасу! Спасибо г. Горькому: онъ еще разъ имѣлъ мужество обнажить народныя язвы, освѣтить пропасть, куда толкаетъ Россію безжалостный процессъ капитализаціи народнаго труда...

Таково, мнѣ кажется, отношеніе народниковъ къ г. Горькому. Но не успѣли они оглянуться, какъ нашимъ авторомъ завладѣла молодая партія — марксисты. Съ энергіей, свойственной молодости, они пустили этотъ свалившійся къ нимъ крупный капиталъ въ очень быстрый оборотъ. Они прикрѣпили нищаго писателя къ журналу и закричали о немъ на весь свѣтъ, съ трубами и литаврами провозгласили его гениемъ, первымъ писателемъ современности, затмившимъ не только г. Короленку и Чехова, но превзошедшимъ Гоголя... Для г. Горькаго устраивались въ Петербургѣ литературные вечера, его всюду возили, выставляли, снимали портреты съ него, рекламировали, издавали... Былъ моментъ, когда отъ г. Горькаго не было проходу, и излишнее усердіе друзей угрожало ему опасностью разсказанной въ Крыловской баснѣ.

Упоеніе Горькимъ со стороны марксистовъ имѣетъ свои, очень вѣскія причины. Этотъ писатель вывелъ на сцену тотъ самый общественный классъ, который долженъ въ концѣ концовъ, въ отдаленномъ, можетъ быть, будущемъ, осуществить мечты марксизма. Г. Горькій вывелъ человѣка, какъ послѣдній продуктъ капиталистическаго строя, вывелъ пролетарія, т.-е. сырого, вышедшаго изъ

природы мужика, обработанного, такъ сказать, азотною кислотою капиталистической эксплуатаціи. Правда, герои г. Горькаго не дисциплинированные рабочіе фабрикъ, не люди съ твердымъ сознаніемъ своихъ правъ, но все-же это рабочіе,—не деревенскіе мужики. Г. Горькій впервые показалъ огромное и темное сословіе людей, хоть и пьяныхъ и истеричныхъ, но страшно-озлобленныхъ своею долей, людей тоскующихъ, несговорчивыхъ, капризныхъ, выше всего ставящихъ свободу, готовыхъ на вѣчную борьбу съ буржуазнымъ обществомъ и уже ведущихъ эту борьбу. — Поглядите, могутъ сказать марксисты, — поглядите, какъ капиталистическій режимъ перерабатываетъ глупаго сына деревни, какъ онъ стираетъ съ него патриархальную покорность судьбѣ и воловью готовность лѣзть въ ярмо! Что за молодцы эти Макаръ Чудра, Емелянъ Пилиай, Артемъ, Пляши-нога, Челкашъ! Съ какимъ презрѣніемъ они говорятъ о деревенскомъ рабствѣ, о рабствѣ земельного труда, и сколько мысли вносятъ въ душу народную. Пролетарій не рабъ, это человѣкъ великаго дѣйствія, хоть и не наступившаго. Надо желать, чтобы весь народъ прошелъ эту страшную школу и воспитался въ ней, окрѣпъ въ свободныхъ инстинктахъ... Пилиай, Челкашъ, пекарь Коноваловъ, сапожникъ Орловъ — все это продукты капитализма, и послѣдній необходимо развивать, какъ исполинскую машину, перерабатывающую косную массу народную — въ армію вольныхъ рабочихъ, не связанныхъ землей, сознавшихъ свое центральное положеніе въ обществѣ...

Въ такомъ родѣ, мнѣ кажется, должны разсуждать марксисты. Г. Горькій является для нихъ какъ-бы Гомеромъ будущаго, пѣвцомъ героевъ еще не пришедшихъ, но уже выступившихъ въ походъ.

Такъ называемые реакціонеры, романтики крѣпостного строя, въ свою очередь осчастливлены появленіемъ г. Горькаго. — Поглядите, могутъ сказать они: — вотъ къ чему ведетъ нашъ хваленый прогрессъ! Вотъ во что претво-

ряется нѣкогда сильный и свѣжій сынъ деревни, освобожденный отъ древнихъ связей, отъ установленій аристократическихъ и религіозныхъ. Поглядите, до какой степени потеряно старинное смиреніе народное, довольство своею судьбой, чувство уваженія къ чему-то высшему. Каждый босякъ г. Горькаго озлобленъ на весь міръ, онъ — будучи варваромъ, невѣжественнымъ и пьянымъ, дышетъ почти байроновскимъ отрицаньемъ. Опасенъ Геростратъ, но тутъ цѣлая армія геростратовъ, готовыхъ сжечь священный, строившійся вѣками храмъ общественности... Спасибо г. Горькому, наконецъ-то онъ изобразилъ пролетарія безъ либеральныхъ прикрасъ, во всемъ цинизмъ этого типа. Вотъ оно пятое сословіе, вотъ онѣ тошія фараоновы коровы, которыя пожрутъ жирныхъ!..

V.

Если всѣ партіи удовлетворены писателемъ, то понятенъ стремительный ростъ его извѣстности. Я увѣренъ, что для самого г. Горькаго его слава является неожиданной и, вѣроятно, стѣснительной. Онъ не можетъ не чувствовать, что во вниманіи къ нему общества слишкомъ много моды, и что его легко можетъ постичь столь-же быстрое забвеніе. Развѣ не забыты не менѣе даровитые беллетристы — Слѣпцовъ, Н. Успенскій, Новодворскій, Кушевскій и др.? Кто читаетъ нынче Рѣшетникова и даже Помяловскаго? Для забвенія въ публикѣ не нужна даже физическая смерть: можно, обладая нѣкоторымъ талантомъ, здравствовать и писать, писать многочисленные романы, но ихъ не будутъ замѣчать. Не станемъ называть именъ, — но развѣ не вѣсмъ ясно, что еще дѣйствующіе не старые беллетристы, гг. X., Y., Z..., уже забыты въ публикѣ, хоть еще пишутъ неимоверно много. Они какъ писатели, въ сущности уже умерли. Ихъ читаютъ, можетъ быть, но уже какъ мертвыхъ, отъ нихъ ничего